

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

© 2012 г. К.А. Руденко

*Казанский государственный университет
культуры и искусств, г. Казань*

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, археология, городища, селища, средневековый город.

Волжская Булгария – государство, существовавшее в Волго-Камье в X – начале XIII в., была известна многочисленными городами. После монгольского нашествия она вошла в состав Золотой Орды, но традиции градостроительства здесь, в Булгарском улусе монгольского государства, не угасли, а приобрели новый ракурс и местное своеобразие.

Археология булгарских и булгаро-ордынских городов насчитывает более 150 лет, и по сей день они остаются приоритетными объектами исследований в булгароведении. Основные достижения в этой области отражены в трудах А.П. Смирнова, А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина, Р.Г. Фахрутдинова и др. Но многие вопросы и сейчас остаются дискуссионными. Это касается, прежде всего, проблем генезиса булгарского города. В литературе урбанизационные процессы на Средней Волге, как и вообще в Восточной Европе, традиционно связываются с эпохой средневековья. Точнее, с процессами становления и развития классового общества, связанных с этим системы особых отношений экономического и внеэкономического подчи-

нения и принуждения, а также института государства. Хронологически это период IX–XI вв.

Процессы поволжско-булгарской урбанизации рассматривались с разных позиций. Социальные причины этого явления (от племенных центров к феодальным городам) отмечали А.М. Ефимова и А.П. Смирнов. Экономические и социальные факторы, а так же ислам, по мнению А.Х. Халикова, стали базисом для возникновения волжско-булгарских городов. Ф.Ш. Хузин, акцентирует внимание на булгарской торговле, которая, по его мнению, играла ведущую роль в этом процессе, замечая при этом, что возникновение каждого города явление уникальное и зависело от разных условий (Хузин, 2006, с. 127–128).

Нами высказана гипотеза о поливариантном возникновении булгарских городов с превалированием природного фактора, с одной стороны, этнокультурных традиций различных групп населения булгарской федерации – с другой, а также глобальной системы формирования дихотомии кочевого и оседлого мира в регионе и, как следствие этого, усиление урба-

низационных процессов в раннебулгарском объединении (Руденко, 2012, с. 91–94). В последнем случае есть определенные точки соприкосновения с аналогичными явлениями, проходившими в средневековых городах Казахстана, где формирование городских центров проходило в условиях исторически сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения (Байпаков, Григорьев, 1999, с. 50).

Для изучения этого вопроса к началу XXI в. был накоплен достаточно обширный материал, что стало основой концепции генезиса болгарского города, разработанной Ф.Ш. Хузиным в 1990 – начале 2000-х годов (Хузин, 2006, с. 113–186). Сейчас она является практически единственной гипотезой, в которой обобщены результаты археологических исследований на болгарских городищах в XX в.

Перспективы изучения болгарских городов, в том числе и их возникновения, были определены еще в начале 90-х годов XX в. (Хузин, 1993, с. 20–22), но так и осталась в большинстве своем не реализованной. Причины этого (кроме сложной ситуации с самими археологическими работами в постсоветское время) были связаны с пересмотром концептуальных положений в российских исторических студиях и смещением исследовательских акцентов в археологических полевых исследованиях казанских археологов в более поздние эпохи, приоритетной среди которых стала Золотая Орда. Ситуация в этой области сбалансировалась в начале 2000-х годов. Но при этом заметного продвижения и развития концепции не получилось. Причины этого мы видим в следующем.

В первую очередь, это небольшое количество введенных в научный оборот в последние десятилетия материалов раскопок, как городищ, так и селищ, без которых изучение процесса урбанизации вообще невозможно. Во-вторых, это отсутствие углубленных источниковедческих исследований уже опубликованных материалов. В третьих, методологические и методические основания изучения болгарской урбанизации пока на сегодняшний день не разработаны. Одной из основных проблем в данном случае является определение археологических признаков болгарского города в контексте четко сформулированного исторического понятия средневекового города (с учетом региональной специфики). При этом необходимо разграничивать археологическую периодизацию (устоявшееся археологическое деление на раннебулгарский и домонгольский периоды), иначе говоря, археологическое источниковедение с присущими ему методами, базирующееся на конкретных артефактах, и исторические реконструкции о характере болгарского общества, которые строятся на иных постулатах.

Существует и еще одна проблема. Это касается давно установленных и даже аксиоматичных фактов, которые нередко оказываются неучтенными в недавних публикациях по данной теме. Среди них перечислим следующие: 1) до X в. стационарных болгарских поселений с культурным слоем в Казанском Поволжье не выявлено; 2) основными археологическими памятниками волжских болгар VIII–IX вв. являются могильники, где единственным погребальным обрядом был языческий; 3) в погребальном инвентаре раннебулгарских могильников

находки сельскохозяйственных орудий единичны, что явно свидетельствует о неземледельческом характере их основной деятельности; 4) мусульманские захоронения на раннебулгарских могильниках появляются только в X в, и длительное время совершались одновременно с языческими; 5) самое раннее волжско-булгарское поселение, имеющее и культурный слой с объектами, датированными монетами и керамикой, аналогичной погребальной из языческих раннебулгарских захоронений, датируется первой – второй четвертью X в.

Появившиеся в 1980–1990-х годах новые материалы, особенно на Самарской Луке, относящиеся к раннехазарскому времени (VII – первой половине VIII в.) отождествляются рядом исследователей с ранними булгарами Волго-Камья. Однако такая характеристика памятников новинковского типа некорректна, что уже отмечалось в литературе (Е.П. Казаков), поскольку особенности погребального обряда курганно-грунтовых могильников Самарской Луки, как и их погребальный инвентарь, исключительны и отличаются от тех, что определяют археологическую суть раннебулгарских памятников Казанского Поволжья. Очевидна и даже предполагаема их общность в изделиях салтово-маяцкого круга, что впрочем, не дает оснований рассматривать новинковские памятники и могильники Казанского Поволжья как хронологические стадии материальной культуры ранних булгар и генетическую связь между ними. По этой причине остается открытым и вопрос с новинковскими поселениями и их связь с населением именьковской культуры.

Естественно, что конструировать единую с четко очерченными границами и переходами схему раннего булгарского этногенеза было бы ошибкой. Пришедшие на Среднюю Волгу булгары не были чистыми кочевниками и единым этносом, а конфедерацией полиэтнических групп населения со своими этнонимами и особенностями материальной культуры и хозяйства (Руденко, 2009, с. 26–35). Как и большинство кочевников, они пользовались сезонными становищами, о чем явно свидетельствуют находки отдельных сосудов и вещей (см.: Плетнева, 1967, с. 181), а также единичных захоронений на ряде памятников, преимущественно в Ульяновском Поволжье и севере Самарской области.

Мне представляется недоказанной булгарская принадлежность ряда городищ XI–XIII вв. в Пермском Приуралье и Посурье, которые в этом качестве фигурируют в публикациях. По крайней мере, опубликованные материалы раскопок пензенских и пермских ученых однозначно это не подтверждают. Не проведен сравнительный анализ материалов ранних слоев крупнейших булгарских городищ – Биляра, Болгара, Суvara, Джукетау, что не позволяет утверждать об их идентичности и привлекать в качестве аргумента.

Используя имеющиеся доступные материалы, а также результаты новых исследований и публикаций, выделим следующие моменты.

Можно предположить, что основы городской традиции в Волго-Камском регионе сложились раньше IX–X в. Это относится не только к самим булгарским племенам и тому периоду их истории, когда они жили, точнее в большинстве своем кочевали, в При-

азовье. Зарождение урбанизационных процессов в Волго–Камье, по нашему мнению, относится к предбулгарскому времени – VI–VII вв. н.э. В это время здесь проживало население, оставившее памятники археологической именковской культуры. Вопрос о характере укрепленных именковских поселений и их трактовке как города или протогорода, не прост и требует дополнительного исследования.

Возникновение укрепленных поселений с торгово-ремесленными и какими-то административными функциями, вероятно, было стадийным явлением, характерным для позднотестарной социально-политической структуры общества в целом (Куббель, 1988, с. 126–127) и в Волго-Камье, в частности. В любом случае, в Прикамье известны достаточно крупные городища VII–IX вв., где было развито ремесленное производство, а также имеются находки (изделия из стекла, драгоценных металлов, керамика и т.п.) свидетельствующие об активных торговых контактах с отдаленными территориями (Голдина, 1999, с. 382; Останина, Иванов, Иванова, 2007, с. 244).

Стоит учитывать и тот факт, что и сами булгары-болгары были знакомы с городской культурой. В этом контексте можно отметить и выявленные тенденции к развитию городов в кочевых обществах Центральной Азии I тыс. н.э. (Данилов, 2004). Таким образом, само по себе формирование у переселившихся в IX–X вв. на Среднюю Волгу булгар системы стационарных поселений и протогородов (торгово-ремесленных центров) вполне закономерно. Проблематичным было только возведение сложных фортификаций, способных выдержать не кратковре-

менный набег, а длительную осаду сильного противника. Об этом косвенно свидетельствует обращение булгарского эльтебера Алмуша к багдадскому халифу в 921 г. с просьбой о присылке ему опытных строителей крепостей.

Впрочем, крепости (выполнявшие в то время роль укрепленной ставки, с административными функциями) у булгар к тому времени уже были. Восточным географам X в. они известны как Булгар и Сувар с постоянно проживающим там населением. Правда, не стоит преувеличивать ни их размер, ни численность жителей. 10 000 воинов, которые якобы могли быть выставлены населением каждого из них, скорее всего, относятся не к городским жителям, а чаще всего к населению округа (территории) с идентичным названием. Более того, сведения восточных авторов, относимые к волжским булгарам, нередко смешаны с сообщениями о болгарях в Малой Азии, в Приазовье и Подунавье более раннего времени.

Перерастание булгарской укрепленной ставки в городское поселение археологически проследить пока не удалось, как собственно и ясно ответить на вопрос: что представляли из себя ранние булгарские крепости-города? В поисках решения этого вопроса ключевым могут стать выявленные по материалам раннебулгарских могильников этнокультурные компоненты ранних булгар, в том числе и прикамский. Он присутствует в Танкеевском и Тетюшском могильниках IX–X вв.; следы его зафиксированы и в более поздних материалах, но только уже в антропологических. Это касается населения центральных районов Булгарского государства, в пер-

вую очередь, столицы домонгольский Волжской Булгарии – Биляра (Ефимова, 1976, с. 175–177).

Модель генезиса раннего болгарского города¹ можно представить в следующем виде. Первым шагом к формированию болгарского укрепленного поселения было функционирование неукрепленного селища (зимника), располагавшегося поблизости от реки или ее притока (старицы) в месте постоянного кочевания. Выбирались высокие площадки в глубоких оврагах и близлежащие участки на краях коренных террас.

Следующим этапом было появление небольшого по площади, укрепленного мысового городища, с одним или несколькими селищами, примыкавшими к его укреплениям или располагавшимися поблизости от них. Судя по материалам Малоиерусалимского поселения (предшественника Болгара X в.), исследованного в конце XX в. П.Н. Старостиным, возникали такие центры в местах, удаленных от крупных водных артерий (Болгарское городище находится более чем в 40 км от основного русла Волги). Ранний город Болгар, по исследованиям А.П. Смирнова и Т.А. Хлебниковой занимал узкий мыс коренной террасы и имел укрепления в виде рва и вала, с деревянным частоколом. Могли использоваться и городища предшествующего именьковского периода.

Истоки такого рода несложного укрепления, вероятно, уходят в Прикамье, где мысовые городища сооружались с эпохи раннего железного века (в этот период они возводились и в Казанском Поволжье и Прикамье, но в дальнейшем эту традицию после

¹ За исключением государственного городского строительства.

хиатуса V в. до н.э. – II в. н.э. трудно проследить), где они характерны для местного населения, а в болгарской конфедерации они связаны с финно-угорским компонентом. Правда, городища такой планировки вряд ли можно однозначно интерпретировать в увязке с какой-то этнокультурной традицией – настолько они распространены как территориально, так и хронологически. Отметим, что городища, подчиненные рельефу местности (по П.А. Раппопорту), мысовой планировки, существовали на протяжении всего домонгольского периода, а также в эпоху Золотой Орды.

Жилища, которые были исследованы П.Н. Старостиным на Малоиерусалимском поселении, по планировке и конструктивным элементам практически идентичны жилищам неволинской культуры (Черных, 2008, рис. 51).

Специфика болгарской урбанизации в X в. сопряжена с еще одним фактором – это возникновение и функционирование в середине – второй половине X в. открытых торговоремесленных поселений в приустьевой части Камы и Ульяновском течении Волги (Семеновское и Измерское селища, исследовавшиеся Е.П. Казаковым в Татарстане, Головкинское селище в Ульяновской области и т.п., см: Казаков, 2000, с. 87–99). Аналоги им имеются в Древней Руси и Скандинавии. На территории Древней Руси в большинстве своем они расположены на Волжском торговом пути (напр., селище в Гнездове близ Смоленска).

Городище «Девичий городок», отличавшееся необычной фортификацией, располагалось в одном километре от них. Оно было защищено солидными бастионами с использованием

камня (Старостин, 1985, с. 34–41). Судя по подъемному материалу, оно синхронно этим поселениям. К сожалению, памятник был полностью разрушен Куйбышевским водохранилищем и получить представление об особенностях его планировки и укреплений уже невозможно.

Парадоксально, но в Булгарии, в отличие от Руси, эти торгово-ремесленные селища так и не стали центрами крупных городов, а постепенно превратились в земледельческие поселения. Маловероятно, что единственной причиной этого были какие-либо военные события второй половины X в., как считает Е.П. Казаков. Скорее всего, эти селения стали основой экономической стабилизации булгарской экономики и общества в целом и в период активного становления земледельческой системы хозяйствования и, выполнив это предназначение, отошли на второй план, передав пальму первенства новым городским центрам.

Не позднее XI в. у булгар стали распространяться городища с кольцевой планировкой, нередко с использованием эскарпа и эскарпированных склонов оврагов или невысоких речных террас. Не касаясь социально-экономической интерпретации этих памятников, отметим, что топографически они тяготеют к двум ландшафтам – низким пойменным низинам притоков Волги, Малого Черемшана и овражно-балочной системе бассейна Камы, Свияги, Волги с ее притоками (Руденко, 2007, рис. 4; 14: 4; 15; 16: 1; 19: 4; 23; 24). Надо сказать, что первый вариант поселений с кольцевой планировки характеризуется крупными размерами и солидной системой фортификации. Во втором случае размеры их небольшие и занимают они чаще всего узкие мысы в оврагах, где

им эскарпированием и «отсечением» небольшим валом и рвом острия мыса придавалась условно-круглая форма (напр., Староромашкинское, Малополянское городища и др.). Не исключено, что булгарские городища такой планировки – это алаано-болгарская и огузо-печенежская традиция (Моргунов, 2003, с. 174–175). Второй вариант встречается и у поволжских финнов – мордвы, в частности, в Притешье, чаще всего в контактных зонах с кочевым населением – огузами и половцами.

Малая исследованность этих памятников не позволяет детализировать эти тезисы. Мы можем предполагать, что укрепленные поселения кольцевой планировки, часть из которых затем превратилась в города, возникали на протяжении X в. Это могло происходить в первой половине столетия в период гегемонии династии Джаффаридов, связанных семейно-родственными узами с огузами. Или в конце 80-х годов X в., когда отношения булгар с огузами, вступавшими несколько десятилетий против суварских правителей, в том числе и в союзе с киевским князем Владимиром I (напр., в его походе на булгар в 985 г.), были восстановлены.

На следующем этапе булгарской урбанизации в XI–XII вв. поселенческая структура, в которой города выступали как узловыe элементы, формировалась по-разному. Она была достаточно разнообразной, включая агломерации разного порядка и типа (Руденко, 2007, с. 16–17). Стоит отметить несколько моментов.

Первое – это государственное планирование и строительство городов. Начало этому было положено еще в X в, примером чему является Билярское городище.

Второе – ремесленно-торговый характер болгарского домонгольского города. Это вовсе не значит, что сельское хозяйство было совершенно исключено из занятий жителей города. Однако роль его была подчиненной. Ремесленники формировали особый слой горожан, о чем свидетельствует серийная продукция городских ремесленников: ювелиров, гончаров, косторезов и др.

Третье – особая роль трансконтинентальной торговли и этнокультурных связей. Отмеченное И.Л. Кызласовым значение пути из Поволжья в Южную Сибирь и далее в I – первой половине II тыс. н.э. (Кызласов, 2007, с. 64) имеет вполне четкие археологические признаки в болгарских материалах. Одним из основных из них можно считать распространение в XI в. на территории Булгарии и в ближайшем для булгар зарубежье, аскизских изделий и их болгарских реплик.

Оригинальные аскизские изделия встречаются чаще всего на негородских поселениях, расположенных на притоках Камы и Волги – напр., Остолоповском, Измерском, Лаишевском (Чакма). Есть они и на селищах XI в. в бассейне Шешмы – на восточной границе болгарских земель. Достаточно разнообразны, хотя и немногочисленны, такие находки и на Билярском городище. Они отложились преимущественно в XI в. Такого комплекса находок нет на Булгарском городище, хотя местные подражания аскизским изделиям, датирующиеся XII в., здесь встречаются. Распространение аскизских и аскизско-болгарских находок совпадает с началом активного строительства в Булгарии укрепленных поселений и целых укрепленных районов, в том числе и таких внуши-

тельных, как Кашан I и II, Городок, Красноключинское, Батынгузское-Горкинское и II Николаев-Баранское городища.

Отметим, что в средневековую эпоху город был не только материальным явлением, но и духовным. Особенно в мусульманской философии и идеологии. В этом плане философско-культурное осмысление урбанизации в рамках официальной религии волжских булгар – Ислама была важным фактором, стимулировавшим эту сторону развития болгарского государства.

Развитие городской культуры Волжской Булгарии существенно изменилось после монгольского завоевания. Новая политико-экономическая система Улуса Джучи привела к нескольким важным изменениям в урбанизационных процессах на болгарских землях. Кроме исчезновения многих болгарских городов, разоренных в период нашествия, происходит провинциализация оставшихся и продолживших свое развитие городов, определившая их практически одинаковый статус в государстве.

В отличие от нижневолжских золотоордынских городов, возникших в подавляющем большинстве случаев на новом месте (Федоров-Давыдов, 1997, с. 89), болгарские города имели практически всегда домонгольскую основу. Ярким примером этого является Иски-Казань, исследованная Р.Г. Фахрутдиновым, развивавшаяся в монгольское время на основе обширного поселения городского типа (Руденко, 2011, с. 32–151). Даже в том случае, когда город строился на новом месте, все равно рядом находилось поселение предшествующего времени.

Разумеется, что процессы градообразования не остановились в золотоордынский период и были не только восстановлением былого потенциала. Рост экономики Булгарского Улуса в XIV в. привел к созданию новых городских центров и без привязки к предшествующим историческим поселениям. Они известны нам на их первой стадии – возникновения укрепленных поселений – крепостей и формирования посада (селища-спутника), как, например, Сюкеевское городище. Однако этот процесс прервался в 1360–1370-х гг. в результате государственного кризиса Золотоордынской империи и в рамках этого государства уже не возобновился.

Главным признаком новой эпохи стал город открытого типа, не имевший укреплений или приобретший их в поздний период – начала кризиса империи, т.е. во второй половине XIV в. (Руденко, 2011, с. 32–151). Ощущается и тенденция к превращению даже крупных булгарских городов в полуаграрные (Руденко, 2011б, с. 333–340).

Таким образом, становление городов и городской культуры в Булгарии на этапах исторического развития региона было разнонаправленным.

Главным условием этого процесса были внутренние запросы булгарского общества и развитие поселенческой структуры. В IX–X вв. проходил естественный процесс урбанизации, сопровождавший численный рост населения, возросшие потребности общества в продуктах ремесленного производства, активно стимулированный двумя явлениями – булгарской торговой экспансии и формированием системы отношений оседлого (не позднее конца X в.) населения Булгарии и ее кочевыми соседями. Международные связи были не менее важны в городском булгарском строительстве на протяжении всего домонгольского периода.

Золотоордынский период в истории волжских булгар весьма своеобразен. То, что до нашествия было явлением исключительным, как например, государственное основание и строительство городов, стало практически правилом. Вместе с тем, возникла и иерархия отношений центра и периферии – города Булгарского Улуса стремительно провинциализировались и в новых условиях становились полуаграрными (Руденко, 2011, с. 32–151).

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М., Григорьев Ф.П. О топографии городища Тараз // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Материалы II Международных чтений по творчеству Мухаммеда Хайдара Дулати. – Алматы, 1999.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.

Ефимова С.Г. Антропологические материалы из Билярских некрополей // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976.

Казаков Е.П. Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X – XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Док. Международ. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории. – СПб., 2000.

Кызласов И.Л. Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Том II. – Казань, 2007.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М., 1988.

Моргунов Ю.Ю. Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. – М.: Наука, 2003.

Останина Т.И., Иванов А.Г., Иванова М.Г. Древнеудмуртское население в эпоху Средневековья // История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. – Ижевск, 2007.

Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: «Школа», 2007.

Руденко К.А. Этнотерриториальные группы булгар в XI–XIII вв.: постановка проблемы // Финно-угры – славяне – турки: опыт взаимодействия (традиции и новации). – Ижевск, 2009.

Руденко К.А. Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. – 2011. – № 1–2 (20–21).

Руденко К.А. Булгарский Улус Золотой Орды: к постановке проблемы // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. – Астрахань, 2011а.

Руденко К.А. Развитие городской культуры булгарской области Золотой Орды в XIII–XIV вв. (по данным археологии) // Золотоордынское наследие. Вып. 2. – Казань, 2011б.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в VIII–XIV вв.: проблемы этнокультурных контактов на основе археологических материалов // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международ. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. – Барнаул, 2012.

Старостин П.Н. Об остатках башен «Девичьего городка» // Военно-оборонительное дело домонгольской Волжской Булгарии. – Казань, 1985.

Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993.

Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). – Казань, 2006.

Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // ТА. – 1997. – № 1.

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск, 2008.

**OCCURRENCE OF CITIES VOLGA BULGARIA
AND BULGARS AREAS OF THE GOLDEN HORDE
(ACCORDING TO ARCHAEOLOGY)**

K.A. Rudenko

Key words: Volga Bulgaria, Golden Horde, archaeology, sites of ancient settlement, settlements, medieval city.

Becoming of cities and city culture in Bulgaria at stages of historical development of region was a miscellaneous. In IX–X century passed natural process of a urbanization accompanied numerical growth of the population and the increased needs of a society for products of craft manufacture. It was stimulated with two phenomena – bulgar trading expansion and formation of system of relations of settled population Bulgar and its neighbours – nomads. The international communications were very important in city bulgar construction in second half till the Mongolian period.

The period XIII–XIV century in history Volga Bulgar is rather original. That that before invasion was the partial phenomenon, as for example, the state basis and construction of cities, in Golden Horde became practically a rule. At the same time, there was also a hierarchy of relations of the center and periphery – bulgars cities promptly became provincial and in new conditions became almost agrarian.